

DOI 10.25991/AE.2024.1.1.018
УДК 82.161.1

И. А. Митрофанова, А. А. Рямонен

Митрофанова Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета СПбГУ
a_blum@mail.ru

Рямонен Анна Андреевна — научный сотрудник,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
a_a_ryamonen@mail.ru

**ПАТРИАРХАЛЬНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОШЛОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. АБРАМОВА И ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕРЕВЕНЩИКОВ***

В статье рассматривается творчество Федорова Абрамова, инспектируется его принадлежность к деревенской литературе и выявляется своеобразие абрамовского патриархального прошлого в сравнении с другими писателями-деревенщиками (В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин и др.). Показано, что мера объективности в творчестве Ф. Абрамова много выше, чем в прозе т. н. «почвенников» деревенской прозы.

Ключевые слова: деревенская проза, Федор Абрамов, прошлое и современность, память и ее реликты, патриархальное и сентиментальное.

I. A. Mitrofanova, A. A. Ryamonen

THE PATRIARCHAL PEASANT PAST IN THE WORKS OF F. ABRAMOV AND THE VILLAGE WRITERS

The article examines the work of Fedorov Abramov, inspects his belonging to village literature and reveals the originality of Abramov's patriarchal past in comparison with other writers-villagers (V. Belov, V. Rasputin, V. Shukshin, etc.). It is shown that the measure of objectivity in F. Abramov's work is much higher than in the prose of the so-called «soil workers» of the village prose.

Keywords: rustic prose, Fyodor Abramov, past and present, memory and its relics, patriarchal and sentimental.

Имя и творчество Федора Абрамова принято рассматривать в контексте так называемой деревенской прозы — течения, которое, как справедливо указывает исследователь, «на протяжении более чем десятилетия — с середины 1960-х до конца 1970-х <...> — фактически доминировало в официальной советской литературе» [6, с. 4]. Надо сказать, что и сам Абрамов неизменно позиционировал себя в качестве полноправного представителя именно этого литературного течения, отмечая, что «деревня — материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер» [2, с. 17], подчеркивая ведущие позиции, занимаемые деревенской прозой в современной ему отечественной словесности. Характеризуя таких писателей-деревенщиков, как В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, прозаик без каких бы то ни было колебаний или оговорок указывал на свое идеологическое и эстетическое родство с ними.

Представляется справедливой точка зрения тех исследователей, которые усматривают главный атрибутивный признак этого литературного течения в обращенности к крестьянскому прошлому, выступающему в качестве этического и эстетического критерия современности: «Авторы «деревенской прозы» с самого начала выступили и как художники, и как идеологи. Изображение явлений прошлого и настоящего в их текстах не просто включало в себя

моральную оценку, но фактически строилось на ее основе. Прежде всего «деревенская проза» вершила суровый суд над современностью за ее несоответствие вечным ценностям и нормам, «природным» законам, которые свято чтит прежняя деревня, за забвение накопленного поколениями крестьян духовного опыта» [11, с. 4–5].

Универсально-философским ракурсом восприятия действительности была обусловлена такая особенность деревенской прозы, как отсутствие особого интереса и внимания к колхозно-коммунистическим реалиям, которые воспринимались и изображались в качестве уродливых искажений естественной нормы. Герои Распутина, Белова, Астафьева, Можаяева «уходили от советского «попехонства» либо метафизически — в мир собственных онтологических раздумий, либо прямо и непосредственно — как можаяевский Федор Фомич Кузькин, официально порвавший все отношения с колхозной системой» [11, с. 191].

Соответственно, воспевание не подлежащих пересмотру ценностей прежней крестьянской жизни нередко оборачивалось у деревенщиков подменой фактов мифологемами. В этом плане наиболее показательным примером является книга очерков Белова «Лад», в которой жизненный уклад крестьян русского Севера рисуется как идеально гармоничный: «Все было взаимосвязано и ничто не могло

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23–18–00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди» [5, т. 3, с. 5]. Трудно не согласиться с исследователями, которые выразили сомнение в том, что столь совершенная гармония когда-либо существовала на Руси, и охарактеризовали «Лад» как ретроспективную утопию: «То, что составляло идеальную, лелеемую в мечтах «модель» крестьянской вселенной, выглядит у Белова как реально существовавшая повседневность, как норма, которой следовали все и вся» [11, с. 56].

В свете всего вышесказанного, обратившись к произведениям Абрамова, без труда обнаружим, что слишком многое в них весьма существенно и резко отличается от канонов деревенской прозы. Наиболее заметным образом эти отличия проявляются в абрамовской трактовке патриархального крестьянского прошлого. Для Белова, Распутина, Астафьева и большинства других деревенщиков именно уклад жизни дореволюционной, точнее говоря — доколхозной, деревни Сибири и русского Севера* являлся средоточием важнейших духовно-нравственных ценностей, за забвение которых они сурово осудили в своих произведениях современную цивилизацию. Между тем при чтении книг Абрамова бросается в глаза полное отсутствие каких-либо элементов идеализации русской патриархальной деревни.

Едва ли не самый привлекательный абрамовский персонаж, мудрая пожилая крестьянка Милендьевна из повести «Деревянные кони», сравнивая времена собственной молодости с нынешними, без колебаний отдает предпочтение современности: «Старые люди любят хвалить бывалые времена, — говорит Милендьевна негромким, рассудительным голосом, — а я не хвалю. Нынче народ грамотной, за себя постоит, а мы смолоду не знали воли. Меня выдали замуж, — теперь без смеха и сказать нельзя — из-за шубы да из-за шали...» [2, с. 14]. Адекватность этой сопоставительной характеристики, акцентирующей темные стороны прежней жизни, подтверждается в повести как объективным авторским повествованием, так и всей логикой развития сюжета. Выданная замуж в отдаленную, не затронутую влиянием цивилизации лесную деревню, Милендьевна на себе испытала все сомнительные прелести «естественной» жизни, которая однозначно трактуется как «дикарская»: «<...> дикарь на дикаре вся деревня <...>. Идут, орут, каждого задирают, воздух портят — на всю деревню пальба» [2, с. 12]. Аналогичных примеров из абрамовских произведений можно привести много. Характерно, что Абрамов, несмотря на давнюю дружбу с Беловым, сразу же выразил сомнение

* Не раз подчеркивалось, что практически все авторы деревенской прозы являются уроженцами Сибири и русского Севера, где в силу целого ряда объективных социально-исторических причин деревня вплоть до середины XX века сумела сохранить многовековые устои.

в исторической достоверности вышеупомянутой книги очерков «Лад»: «Да был ли когда-либо лад на Руси? Не в этом ли трагедия России, что она никогда не смогла дойти до лада?» [4, с. 65].

Решительным отказом Абрамова от сентиментального умиления крестьянским прошлым обусловлено и его в целом весьма позитивное отношение к большевистской революции и ее героям. В этом плане расхождение абрамовской точки зрения с позицией остальных «деревенщиков», которые разрушение в 1917 году российской монархической государственности воспринимали как национальную катастрофу, а в большевиках неизменно видели сугубых деструкторов, оказывается особенно разительным.

В 1981 году в Останкино, отвечая на вопрос о причинах, заставивших его ввести в роман «Дом» образы большевика Калины Ивановича и его жены, Евдокии-великомученицы, Абрамов высказался на этот счет со всей определенностью: «И я придерживаюсь того взгляда, что у нас были просчеты, были жертвы, жертвы неоправданные, напрасные жертвы, но были и великолепные порывы, были взлеты. И хотя мое поколение и со мной рядом стоящее, идущее с моим поколением, ходили часто в одних штанах, в одной рубашке, но они были великаны духа. И так же Калина Иванович. Пусть этот старый большевик, который прошел через все, пусть он сам во многом идеалист, пусть он мечтатель, пусть он Дон-Кихот, но это Дон-Кихот, порожденный нашей советской действительностью. И чего же этого стыдиться?» [2, с. 70].

Разумеется, здесь может последовать резонное возражение, связанное с необходимостью принимать во внимание цензурный фактор. Действительно, Абрамов умер в 1983 году, задолго до начала эпохи гласности, а потому не исключено, что все вышеупомянутые славословия в адрес революции и революционеров были неискренними и носили вынужденный, всецело обусловленный оглядкой на советскую идеологическую цензуру, характер. Однако анализ фактов биографии автора «Братьев и сестер» позволяет сделать уверенный вывод о несостоятельности этой точки зрения. Абрамова на всем протяжении его творческого пути отличало бесстрашие правды. Без всякого сомнения, он был одним из самых искренних советских писателей своего времени.

Существует версия, что в 1949 году Абрамов действовал вопреки своим убеждениям, но в соответствии с логикой политической конъюнктуры, когда, будучи аспирантом филологического факультета ЛГУ, принял активное участие в идеологической кампании по борьбе с так называемым космополитизмом [см., напр.: 10, т. 1, с. 7]. Между тем есть все основания полагать, что и эти действия будущего писателя отнюдь не были продиктованы страхом или карьеризмом, но носили искренний характер: очень похоже, что он критиковал Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского и Г. Гуковского, по-настоящему

веря, что ведет борьбу «за чистоту марксистско-ленинского литературоведения».

Можно вспомнить в этой связи многочисленные срывы и роковые ошибки, которые в тетралогии «Братья и сестры» совершает, затем горько и мучительно раскаиваясь, Михаил Пряслин, герой духовно близкий Абрамову и едва ли не автопсихологический. Так, например, он искренне ненавидит смертельно больного Тимофея Лобанова, считая его хитрым лодырем, и принимает активное участие в травле несчастного, а впоследствии, после смерти мнимого симулянта, переживает тяжелейшую духовно-психологическую травму и беспощадно осуждает себя («Две зимы и три лета»). Не менее искренен Михаил и тогда, когда впоследствии клеймит позором свою сестру Лизавету за «разврат» — и лишь трагическая смерть этой праведницы помогает Пряслину осознать чудовищную несправедливость собственных обвинений («Дом»).

Так или иначе, но поведение Абрамова в последующие годы не дает ни малейших оснований усомниться в предельной честности и полном бесстрашии писателя. Абрамов несколько не преувеличивал, когда заявил в 1981 году: «Меня всю жизнь (это не секрет, это все знают) обвиняют в сгущении красок, в очернительстве, нигилизме, в том, что я не вижу ярких штрихов нашей жизни, и так далее» [2, с. 67]. За публикацию в «Новом мире» статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954), раскрывающей лживость соцреалистической официальной литературы, Абрамов подвергся травле и едва не лишился работы. Позже, уже в период хрущевской «оттепели», писатель опубликовал повесть «Вокруг да около» (1963), в которой пороки плановой социалистической экономики обнажались с такой беспощадной правдивостью, что его не только, обозвав «озлобленным клеветником», немедленно исключили из состава редколлегии журнала «Нева», но фактически наложили на публикацию его произведений запрет, который действовал пять лет*.

Не меньшего бесстрашия потребовала от Абрамова и публикация в 1979 году открытого письма землякам-веркальцам «Чем живем-кормимся», где объектом критики писателя оказались уже не представители власти и не порочные советские законы, но негативные качества самого народа — прежде всего лень и безответственность. После этого Абрамов подвергся ожесточенным нападкам не со стороны властей предержащих, как бывало прежде, — на него обрушились представители патриотически настроенной интеллигенции, убежденные в том, что простой народ является жертвой уродливых порядков, навязанных сверху, а потому не подлежит осуждению. В Советском Союзе на рубеже 1970–1980-х годов вступление в конфронтацию с оппозицион-

ными кругами интеллигенции было для любого индивида шагом едва ли не столь же рискованным, как и конфликт с властями [7]. Однако Абрамов, как всегда, не оглядывался на чужие мнения, какими бы они ни были, и не признавал никаких табу — в том числе и связанных с народом: «Я не стою колено-преклоненно перед народом, перед так называемым «простым народом». <...> Кадение народу, беспрерывное славословие в его адрес — важнейшее зло. Оно усыпляет народ, разлагает его...» [2, с. 8].

Таким образом, можно уверенно утверждать: когда Абрамов с уважением отзывался о революции, о достижениях и успехах советского режима и колхозного строя, он делал это не для того, чтобы угодить цензуре и втереться в доверие к официозу, а потому, что таковы были его действительные взгляды.

Характерная для большинства произведений «деревенской прозы» антиномия прошлого и настоящего легко обнаруживается и у Абрамова. Однако прошлое, на которое с ностальгической грустью постоянно оглядываются абрамовские герои-протагонисты, — это отнюдь не патриархальная деревня, а советский колхоз военной поры или первых послевоенных лет. Порой в ностальгических воспоминаниях героев фигурирует даже и такая специфическая форма совместного трудового жизнеустройства, как коммуна 1920-х годов, где коллективизм полностью торжествует над частнособственническими интересами и инстинктами.

Возникает естественный вопрос о том, какие же ценности этого советского прошлого, исчезающие или уже исчезнувшие в настоящем, у Абрамова оказываются наиболее важными и значимыми. На этот вопрос довольно легко можно дать вполне однозначный ответ: на вершине ценностной пирамиды в мире Абрамова находится трудолюбие — но не обычное, а гипертрофированное, принимающее форму экстатического порыва, когда изнуряющая работа приносит блаженство и воспринимается индивидом как главный и единственный смысл существования.

Надо сказать, что все без исключения мастера «деревенской прозы» ставили в своих произведениях трудолюбие в ряд основных достоинств прежней крестьянской жизни. Многие позитивные персонажи «деревенщиков» являются неумолимыми тружениками — таковы, например, Олеша Смолин («Плотницкие рассказы» В. Белова), старуха Анна («Последний срок» В. Распутина), Илья Евграфович («Последний поклон» В. Астафьева). Вместе с тем в творчестве упомянутых писателей достаточно много весьма привлекательных персонажей, отнюдь не отличающихся трудовым рвением. Так, доморощенный крестьянский философ Иван Африканович Дрынов («Привычное дело» В. Белова) склонен к созерцательности и к тому же частенько пребывает в состоянии сильного алкогольного опьянения; Богодул («Прощание с Матерой» В. Распутина) сроду по-настоящему не работал — «знали его как

* «...на пять лет закрылись для него журналы и издательства. Пять лет не печатали ни одной строки», — вспоминает Л. Крутикова-Абрамова [8, с. 5].

менялу: менял шило на мыло» [12, т. 2, с. 219]; в «Последнем поклоне» В. Астафьева труженик-земледелец Илья Евграфович оказывается среди односельчан каким-то подобием белой вороны, и трудно не согласиться с наблюдением исследователя, который бесстрастно констатирует в этой связи, что «не слишком склонные к земледельческому труду, требующему аккуратности и самодисциплины, азартные герои астафьевского автобиографического произведения тяготеют к охоте и рыбалке...» [10, с. 98].

В «Ладе» Белова постоянно подчеркивается, что крестьянский уклад жизни во всем был ориентирован на «золотую середину», в нем не было места крайностям — в том числе и гипертрофированному трудовому рвению. Вековые обычаи культивировали сугубую умеренность не только в отдыхе, но и в труде: «В народе всегда с усмешкой, а иногда и с сочувствием, переходящим в жалость, относились к лентяям. Но тех, кто не жалел в труде себя и своих близких, тоже высмеивали, считая их несчастными» [5, т. 3, с. 12]. Читая произведения «деревенщиков», мы хорошо видим, что для их позитивных персонажей трудовая деятельность является важным, но далеко не главным содержанием, ибо смысл своего существования едва ли не каждый из них видит в напряженных духовно-нравственных исканиях, в философских раздумьях о смысле жизни.

Между тем для положительных героев Абрамова на первом месте стоит именно труд. Они являются в полном смысле слова «трудоголиками», работают буквально не щадя себя и испытывают при этом бурную радость. Напрашивается резонное предположение, что в этом плане характеры и взгляды героев несут на себе отпечаток менталитета их автора.

И действительно, мысль о главенствующей роли труда в жизни человека является основным лейтмотивом статей, интервью, писем, дневниковых записей Абрамова. Вот очень характерный фрагмент из записных книжек прозаика: «Рай придумали бездельники. Сидеть сиднем целыми днями под райскими кущами да лопать сладкие яблочки — да разве это блаженство? Это же наказание хуже каторги» [2, с. 202]. Полушутливый характер высказывания не должен дезориентировать — речь идет, без преувеличения, о жизненном кредо писателя. Не случайно речь, произнесенную в день шестидесятилетнего юбилея, он так и озаглавил: «Работа — самое большое счастье» [2, с. 33]. Это выступление завершается предельно четкой, не требующей комментариев формулировкой: «Каковы же итоги? К чему же все-таки я пришел к своему шестидесятилетию? Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какова моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего? Работа! Работа! <...> Вы спросите, а любовь? Я и на это отвечу — пусть в духе шестидесятников. Работа — это, вероятно, самая высокая любовь, любовь к своей семье, любовь к своему дому, любовь к Родине, любовь к народу» [2, с. 38]. О том, что

перед нами предельно искренняя исповедь, а не пустая юбилейная риторика, свидетельствуют многочисленные абрамовские заметки, не предназначенные для печати, — например: «Работа, работа... Есть ли большая радость на Земле? И наработаюсь ли досыта?» [2, с. 203].

Обращает на себя внимание, что писатель воспекает не столько работу как средство для достижения каких-то материальных результатов, сколько именно бескорыстный труд, вырастающий из органической и естественной потребности человека и приносящий радость.

В процитированном фрагменте из записных книжек Абрамова речь идет о желании писателя наработаться «досыта». Инвариантной в абрамовских художественных текстах является ситуация, когда уставший от тяжелого труда индивид, чаще всего женщина пожилого возраста, испытывает подобное блаженно-счастливое состояние. Так, в повести «Алька» юная героиня наблюдает за только что завершившими работу крестьянками и вспоминает покойную мать: «Бабы снятыми с головы платками вытирали запотелые, зажарелые лица, тяжело переводили дух, но улыбались, были переполнены добротой. Точь-в-точь как мать, когда та, бывало, досыта нарабатается» [3, с. 106]. Отдавший все силы любимой работе человек буквально светится счастьем. В повести «Деревянные кони» рассказчик наблюдает за как следует потрудившейся старой Милентьевной: «Она устала, конечно. Это видно было и по ее худому тонкому лицу, до бледности промытому нынешними обильными туманами, и по ее заметной вздрагивающей голове. Но в то же время сколько благостного удовлетворения и тихого счастья было в ее голубых, слегка прикрытых глазах. Счастья старого человека, хорошо, всласть потрудившегося и снова и снова доказавшего и себе, и людям, что он еще не зря на этом свете живет. И тут я вспомнил свою покойную мать, у которой, бывало, вот так же довольно светились и сияли глаза, когда она, до упаду нарабатавшись в поле или на покосе, поздно вечером возвращалась домой» [3, с. 10]. Старый человек в художественном мире Абрамова ощущает себя по-настоящему живым до тех пор, пока способен трудиться. В повести «Пелагея» мать главной героини за три дня до смерти просит у дочери какой-нибудь работы: «Дай ты мне чего-нибудь поделать. Я ведь жить хочу» [3, с. 74].

Трудовая доблесть ценится в крестьянском коллективе едва ли не превыше всего. Авторитет, уважение, право на доминирование в любой группе (от семьи до целого колхоза) можно заслужить только на трудовом поприще. Чаще всего в произведениях Абрамова способом самоутверждения и аренной вполне серьезной борьбы за неформальное лидерство оказывается сенокос: чтобы одержать верх над конкурентами, необходимо опередить их в косьбе.

В тридцать первой главе первой части тетралогии (роман «Братья и сестры») такой поединок происходит между Анфисой, недавно избранной пред-

седателем пекашинского колхоза, и старовой Марфой, властной, пользующейся среди крестьянок большим авторитетом. Характерно, что именно физически мощная, с «необъятно широкими плечами» [1, кн. 1–2, с. 185] Марфа, стремясь упрочить свое влияние, бросает вызов главной конкурентке. Дополнительную остроту состязанию для Анфисы придает и еще одно обстоятельство: за происходящим наблюдает Лукашин, которого она втайне любит и который отвечает ей взаимностью. Именно стремление показать себя с самой лучшей стороны любимому человеку становится для пекашинской председательницы главным стимулом и в конечном счете помогает одержать победу:

Марфа, кончив раскидывать косьем кошеницу, расправила напотевшие плечи, не то в шутку, не то всерьез бросила Анфисе:

— Чего встала? Не икона! Взяла бы да помахала.

— А вот и возьму, — задорно вскинула голову Анфиса.

— Возьми, возьми, Анфисушка, поубавь у ней спеси-то.

Марфа недобрый взглядом смерила Варвару:

— Ну ты! Не родилось еще в Пекашине такой бабы, чтобы супротив меня... Давай! — обернулась она к Анфисе. <...>

Анфиса, ни слова не говоря, деловито и с внешним спокойствием (но Лукашин видел, как у нее бледнеет лицо) проверила насадку косы, провела несколько раз бруском по полотну, затем стала снимать кофту. <...>

Некоторое время они шли вплотную. Потом Марфа обернулась, смерила Анфису презрительным взглядом — и пошла, пошла отмерять сажени...

— Нет, с Марфой земной бабе не тягаться, — убежденно сказала Варвара. — Она идет — земля колыбается, а трава, чего уж, сама со страху клонится. <...>

После правки косы Анфиса опять стала догонять Марфу. Лукашин влюбленными глазами смотрел на белые, как челнок ходившие из стороны в сторону, руки Анфисы и, сам не замечая того, покачивал головой вслед за ними. Еще ближе, еще ближе... И вот уже Анфиса кричит:

— Пятки! Пятки убирай!

Марфа рванулась вперед, но Анфиса уже наступала на подол.

— Пятки! Пятки, говорю, убирай! — опять закричала она.

И тут случилось невероятное: Марфа посторожилась и пропустила Анфису вперед [1, кн. 1–2, с. 180–182].

В романе «Дом» Григорий Пряслин, напрягая все силы, пытается не отстать в косьбе от Михаила. Для Григория эта отчаянная борьба имеет принципиальное значение в плане самоутверждения. Не догнав старшего брата, он тем не менее одержал своеобразную победу над собой и удостоился похвалы:

Петр ругал, пушил себя: зачем ему это? Зачем устраивать добровольную каторгу? Ведь глупо же

это, чистейший вздор — тягаться жеребенку с конем-ломовиком!

Да, да! Природа добрую половину того матернала, который был отпущен на ихнюю семью, ухлопала на Михаила... Но какой-то бес вселился в него. Не отстать! Сдохнуть, а не отстать! <...>

Пот заливал ему глаза, временами шея брата уплывала, будто ныряла в воду, в красный туман, но как только проходило это полуобморочное состояние, он опять всакивал глазами на крутой загровок брата...

Михаил первым опомнился:

— Ну и дурак же ты, Петруха, а еще институт кончал! Так ведь недолго и копыта откинуть. <...>

Петр не мог говорить. Он еле-еле доволлок ноги до тенистой березы, под которой расположился на перекур Михаил. <...>

— Может, к избе пойдешь Але по Марьюше пройдешься? — то и дело, оглядываясь назад, говорил Михаил и при этом широко, по-доброму скалил свой белый зубастый рот, ярко сверкающий на солнце. — Экзамен сдал — чего еще?

Не ругали Пряслиных за работу. И в ФЗУ, и в армии, и в институте, и на заводе — везде Петр получал благодарности да грамоты. И все-таки — вот какая власть была над ним старшего брата — ни одна премия, ни одна награда не доставляла ему столько радости, столько счастья, как эта нынешняя, скупое, как бы между прочим брошенная похвала [1, кн. 3–4, с. 312–313].

Можно без малейшего преувеличения констатировать: в русской литературе никто до Абрамова не воспевал трудолюбие так горячо, последовательно, а главное — совершенно искренне*. Более того: абрамовским гимнам в честь труда трудно отыскать какой-либо аналог во всей мировой культуре.

Необходимо отметить, что в художественном мире Абрамова всякий труд заслуживает уважения, но превыше всего ценится бескорыстный труд, не преследующий личных прагматических интересов, а зачастую даже противоречащий им. Автору «Братьев и сестер» ближе и дороже всего благородство возвышенных натур, готовых отдавать свои силы не ради себя, а ради других.

Здесь возникает инвариантная для абрамовского дискурса сложная коллизия: чаще всего писатель изображает своих героев-земледельцев в экстремальных обстоятельствах военной поры и первых послевоенных лет, когда им приходится вести борьбу буквально за выживание; в таких условиях бескорыстная готовность индивида трудиться ради интересов колхоза или государства в ущерб собственным интересам порой оборачивается самыми тяжелыми последствиями для него самого. Ко всему прочему, благородные порывы таких бесконечно

* Разумеется, в сталинском Советском Союзе был создан целый ряд всякого пропагандистских произведений, воспевающих трудовые подвиги строителей коммунизма, но к подлинному искусству эти примитивно-лубочные конъюнктурные тексты отношения не имеют.

совестливых тружеников, как Илья Нетесов или Лиза Пряслина, нередко используют в своих корыстных целях люди не столь благородные — например, меркантильные и эгоистические односельчане или же нерадивые руководители.

Анализируя сегодня вышеупомянутое открытое письмо Абрамова землякам-веркольцам «Чем живем-кормимся», мы хорошо понимаем причины, которые заставили многих достойных представителей тогдашней интеллигенции выступить с резким осуждением позиции писателя. Дело в том, что Абрамов, сурово обвинив крестьян в лени, сознательно вынес за скобки вопрос о пороках социалистической экономики, фактически лишаяющей сельского труженика каких бы то ни было стимулов к производительному и качественному труду. В момент публикации письма необходимость глубоких структурных преобразований в плановой советской экономике, и в первую очередь в сельском хозяйстве, была ясна уже практически всем. Между тем Абрамов, обращаясь к земледельцам, требовал, чтобы они проявляли трудовой энтузиазм и даже героизм буквально в ущерб собственным материальным интересам.

Да, многие абрамовские доводы и аргументы способны были вызвать недоумение и даже возмущение у оппозиционно настроенных по отношению к советскому режиму современников. Так, например, писатель ставит землякам в вину то обстоятельство, что они, уклоняясь от работы на государственных угодьях, активно трудятся на индивидуальных участках: «На собственных участках работа кипела с раннего утра допоздна, зароды вырастали как грибы» [2, с. 27]. Упреки в нежелании отдавать все силы ради интересов государства («Чувствуете ли вы свою ответственность за запущенное хозяйство? Всегда ли выполняете свои обязанности? <...> Не превращаетесь ли — вольно или невольно — в нахлебников у государства?» [2, с. 26–27]) кажутся не слишком корректными: естественно, на своем участке крестьянин чувствовал себя подлинным хозяином, тогда как на обобществленной земле он превращался в бездумного и бездушного исполнителя чужой воли. А уж кому как не автору повести «Вокруг да около» знать, как велика роль материального стимула? Да и почему крестьяне должны себя считать должниками государства, которое на протяжении нескольких десятилетий фактически грабило их, обрекало на голод, заставляло сеять на северных землях кукурузу, унижало отсутствием паспортов (что так ярко отражено в романах, повестях и рассказах Абрамова)?

Не менее сомнительным и некорректным может показаться абрамовское сопоставление Верколы с ухоженной и благополучной Финляндией, в ходе которого писатель ставит своим ленивым землякам в пример трудолюбивых и ответственных промышленных и сельских работников из Суоми. Излишне напоминать, насколько существенно финские порядки, законы, зарплаты и возможности отличались от советских.

В другом месте письма Абрамов предлагает веркольским крестьянам брать пример с партийных руководителей районного звена, которых отличает гораздо большая ответственность и дисциплина: «Когда же это было, чтобы в страду работоспособные мужики были в отпуске? Секретари райкома годами не бывают в летнее время на отдыхе. А в Верколе до чего додумались? В июле, в самый разгар страды, дали отпуск шести самолучшим мужикам» [2, с. 28–29]. Возможно, партийные руководители района, о котором идет речь в абрамовском письме, действительно отличались безупречным трудолюбием и бескорыстием. Однако в ту пору ни для кого не были секретом многочисленные факты, связанные с вопиющими нарушениями дисциплины и коррупционными скандалами номенклатурных работников СССР. В этой связи автора письма можно было бы, при желании, заподозрить в откровенном сервилизме, в подхалимском угождении власть имущим.

Однако нет необходимости повторять уже сказанное ранее о том, что предельно искренний и абсолютно бесстрашный писатель Абрамов никогда никому не угождал и не льстил. Еще более нелепым представляется предположение, что автор «Братьев и сестер» не осознавал, какие муки и страдания испытали в недавнем прошлом крестьяне, которым он ставит в вину нынешние безалаберность и праздность.

Упреки Абрамова в адрес земляков можно понять только в свете его непоколебимой убежденности в том, что именно труд является высшей целью и главным смыслом человеческого существования, а потому праздность, вне зависимости от каких бы то ни было объективных социально-экономических и прочих причин, не может быть оправдана и заслуживает беспощадного осуждения.

В романе «Дом» в центре внимания Абрамова оказывается та же проблематика. Конфликт Михаила Пряслина с односельчанами обусловлен его гипертрофированным трудовым рвением:

Больно на работу жаден. Житья людям не дает. <...> Не хотим рвать себя как прежде, все легкую жизнь ищут. Раньше ведь как робили? До упаду. Руки грабли не держат — веревкой к рукам привяжи да гребь. А теперь как в городе: семь часов на лугу потыркались — к избе. А нет — плати втридорога. Ну а Михаил известно: сам убьюсь и другим перedyху не дам [1, кн. 3–4, с. 307].

Надо сказать, что перед нами весьма непростая ситуация, которая вряд ли поддается однозначной оценке. Можно разделить негодование Лизы, которая в этом конфликте целиком на стороне брата: «Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают...» [1, кн. 3–4, с. 307]. Но можно с пониманием отнестись и к позиции пекашницев, которые не желают в мирное время (после окончания Великой Отечественной миновало уже более двух десятилетий) и в отсутствие каких-либо экстремальных факторов «рвать себя» и «убиваться», как в годы войны, а хотят иметь нормированный рабочий день

и соответствующую трудовому законодательству доплату в случае сверхурочных.

Разумеется, Абрамов с присущей его творческой манере объективностью отказывается от прямолинейно-тенденциозного подхода к этому спору: «трудовой» конфликт разворачивается в романе как диалогический. Наиболее ясно и аргументированно позицию противников работы «до упаду» озвучивает в споре с Михаилом Виктор Нетесов, славящийся на все Пекашино абсолютной трезвостью и непоколебимой пунктуальностью (он никогда не опаздывает на работу, но никогда и не задерживается на ней). В ответ на упрек Пряслина, ставящего ему в пример трудовой героизм отца: «Это отец у тебя, бывало, за общее дело убивался...» — Виктор без колебаний заявляет: «Отец-то за общее дело убивался, да заодно и мать и сестру убил... <...> А я хочу не могилы для своей семьи устраивать, а жизнь» [1, кн. 3–4, с. 394–395]. В данном случае Михаил не случайно не нашелся, что возразить: действительно, чудо-труженик Илья Нетесов, чье непомерное рвение в работе поражало даже Пряслина, своим энтузиазмом и бескорыстием довел семью до полной нищеты и, конечно, несет ответственность за смерть жены и дочери.

В последней части тетралогии пряслинская ненависть к праздности зачастую приобретает явно чрезмерный, а порой комический характер. Так, в одном из эпизодов романа «Дом» Михаил со скандалом будит жену Раису в половине седьмого утра, называя ее «барыней» и обвиняя в «лежачей забастовке». Какой-либо серьезной необходимости в пробудке нет, но сам по себе вид праздной лежащей на кровати в столь позднее время (!) супруги (при том что Раиса никогда не отлынивала от серьезной работы) вызывает у героя возмущение: «Осатанела баба — два года ведет войну из-за сна. Сперва выторговала полчаса, потом час, а теперь, похоже, уже на два нацелилась» [3–4, с. 390].

Впрочем, еще в предыдущей, третьей части тетралогии, в романе «Пути-перепутья», действие которого происходит в начале 1950-х, появляется персонаж, который весьма веско и убедительно выступает против упования на трудовой героизм народных масс: в военные годы этот энтузиазм был действительно уместен и необходим, но в мирное время чаще всего именно им нерадивые руководители пытаются компенсировать свою экономическую и техническую некомпетентность. Речь идет о молодом руководителе леспромхоза Зарудном, который пытается доказать свою правоту в споре с районным руководителем Подрезовым. «И надо понять раз и навсегда: ударные месячники, штурмовщина,

всякие авралы кончились. С ними теперь далеко не уедешь. <...> Война, война! Голодали, умирали, жертвовали... До каких пор? До каких пор кивать на войну? Вы хотите увековечить состояние войны, а задача состоит в том, чтобы как можно скорее вычеркнуть ее из жизни народа...», — заявляет он [1, кн. 3–4, с. 219]. Характерно, что Подрезов, не находит никаких серьезных контраргументов и в своей ответной речи использует против оппонента откровенно демагогическую риторику.

Итак, можно уверенно утверждать, что Абрамов в общем и целом сохраняет в своих художественных произведениях верность объективности и не впадает в безудержную апологию труда, особенно если речь идет о штурмовщине, о бездумном и неэффективном расходовании сил и здоровья людей. Писатель снабжает весьма основательной аргументацией таких своих героев-прагматиков, как Зарудный или Виктор Нетесов, которые являются убежденными противниками трудовых подвигов. Однако при этом очевидно, что, принимая рассудком их логику, душой Абрамов все же остается на стороне вдохновенных рыцарей бескорыстного труда, подобных Михаилу Пряслину и его сестре Лизавете.

Литература

1. Абрамов Ф. Братья и сестры: Роман в 4 кн., кн. 1–2. М.: Современник, 1980.
2. Абрамов Ф. О хлебе насущном и хлебе духовном. М.: Молодая гвардия, 1988. 175 с.
3. Абрамов Ф. Повести. М.: Советская Россия, 1983. 142 с.
4. Абрамов Ф. Так что же нам делать? СПб., 1995. 112 с.
5. Белов В. Избранные произведения: в 3 т. М., 1984.
6. Большев А. Деревенская проза 1960–1980-х годов (В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин). СПб.: Филологический факультет, 2005. 115 с.
7. Иванов А. Советское диссидентство: иллюзия коммуникации с властью // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9). С. 58–61.
8. Крутикова-Абрамова Л. «Человек строит себя сам» // Абрамов Ф. О хлебе насущном и хлебе духовном. М.: Молодая гвардия, 1988. 175 с.
9. Крутикова-Абрамова Л. Абрамов Ф. А. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. С. 3–7.
10. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: в 3 кн. М., 2001.
11. Мартазанов А. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 196 с.
12. Распутин В. Избранные произведения: в 2 т. М., 1990.